

Горсад

*Может жребий нам выпадет счастливый,
Снова встретимся в городском саду.*

Б. Окуджава

I.

Помню тебя городской сад, когда ты казался мне лесом. Да ты и был лесом. Это сейчас под предлогом оздоровления выкорчевывают старые деревья. Старые деревья, подумать только, простояли здесь сотню лет и более. И сейчас они не нужны, портят вид, мешают организации новых аттракционов. Нет, что ни говори, а не люблю я прилизанные подстриженные парки в английском стиле. Мне более по душе заросшие травой и бурьяном сады, где деревья растут попеременно с кустарником, где идешь по тропинке, а кажется, что идешь по зеленому коридору. Шаг влево или вправо и ты в сумеречной тени зелени и тебя никто не видит. И можно фантазировать о таинственных джунглях, приключениях и кровожадных индейцах. А там направо пруд. Его берега густо заросли кустарником и ивами и по этой причине он обнаруживается только, когда подойдешь к нему вплотную. По слухам пруд очень глубокий. Под водой толстый слой ила. Купаться в нем боялись. Рассказывали, что не один пьяный пловец исчезал в нем навсегда. По пруду ходили двухместные катамараны. Если бы не они, то к середине лета пруд бы затянуло ряской, но благодаря катамаранам, ряска зеленела лишь вблизи берегов. Плавсредство приводилось в движение двумя гребными винтами, которые работали на ножном управлении. Пятнадцатиминутное путешествие стоило двадцать копеек. Мне нравилось двигаться на катамаране вдоль берега густо заросшего ивняком. Живо представлял себя путешественником, плывущим среди бескрайних лесов амазонии. В саду работало несколько аттракционов. Как обычно несколько видов каруселей и качели, для раскачивания вдвоем. К качелям приходили не только покачаться, но и поглазеть, как женщины в развевающихся продуваемых ветром платьях проносились то вверх то вниз. Было и несколько старых аттракционов, которые существовали еще до меня, точнее до того, как я стал посещать горсад. Нет, кажется, я пару застал. Это был аттракцион «возьми быка за рога», где мужики мерялись силой с головой быка, приводимой в движение электрическим мотором. Был еще аттракцион, в котором силачи могли соревноваться в том, кто сильнее ударит молотом по наковальне. Другой аттракцион назывался «гигантские шаги». Рассказывали, что его закрыли, после того, как кто-то на нем разбился. Зимой сад засыпал и служил только для того,

чтобы сократить путь от одной улицы до другой. Он был похож на человека, который жил, веселился, о чем-то рассказывал, а потом взял и уснул. И вот его уже забыли, ходят мимо, а некоторые и через него переступают, как будто это не человек вовсе, а пень какой-то. Но вот наступает весна, человек просыпается, веселиться и вот люди кругом видят, что это человек и веселятся вместе с ним. Горсад просыпался к маю. Еще в апреле появлялись дворники и чистили сад от прошлогодней листвы. Открытие же сада обычно назначалось на 1 мая. А там и до 9-ого мая рукой подать. Будет мороженое, будут веселые ветераны, увешанные орденами и медалями, заработает фонтан, а духовой оркестр полиграфического завода будет играть марши и вальсы, а детишки, с мамами и воздушными шариками, будут вышагивать по тропинкам и аллеям. А еще танцплощадка. О, она находилась в стороне от центральных аллей, в углу не далеко от общественного туалета. Сюда собиралась молодежь со всего города. Танцы проводились три-четыре раза в неделю и редко заканчивались без драки. Слишком много было противоречий между районами, на который делился город, слишком много горячительных напитков выпивалось под вечер. Преимуществом пользовались ребята из районов прилегающие к саду, так как в любой момент могли собрать в свою поддержку десятка полтора – два «бойцов». В каждом районе было несколько авторитетных ребят. Как правило, они уже сидели по несколько лет за хулиганство и вокруг них объединялись остальные пацаны. Их имена знал весь город, они произносились с уважением. Одного такого я встретил лет через пятнадцать – спившийся с заискивающим взглядом сантехник, жалко его стало. Часто драки заканчивались поножовщиной и смертью, так что у танцплощадки обычно дежурила милиция, и часто можно было видеть машину скорой помощи. Тогда на танцах да и в городе можно было видеть ребят с перебинтованной правой рукой, чтобы драться. Опасный это был угол городского сада, но тянуло туда сильно. В центре сада между клумбами и фонтаном с одной стороны и зарослями сирени с другой стояли столики – здесь собирались любители шахмат и шашек. Были завсегдатаи, которые бывали там каждый день и просиживали до десяти вечера, когда распорядитель забирала все настольные игры в коморку, располагавшуюся рядом с кассой летнего кинотеатра. Там же мужики обсуждали городские и всемирные новости. Бывали там и настоящие городские мастера, и тогда со всех столиков народ собирался посмотреть на их игру. Летом в жаркие дни я бежал на речку купаться и наскоро обсохнув, шел в горсад играть. Как это было здорово, но всегда с наступлением осени все прекращалось. Мне не хотелось приходить осенью в горсад. Листья шуршали под ногами шепча об ушедшем. Людей в саду становилось все меньше и меньше: не то чтобы погулять, а

так пройтись с одной улицы на другую. Сад уходил, чтобы вновь возродиться по весне. Вот и зима...

II.

А помнишь ли летний кинотеатр? Он работал пять месяцев в году. Но какие это были месяцы. Три месяца из пяти были школьными каникулами. В кинотеатре фильмы шли повторно. Но фильмы то были какие! Здесь шел и любимейший фильм мальчишек «Фантомас», «Фанфан тюльпан», «Маркиза...» и наши шпионские фильмы. В кинотеатре были и аншлаги. Те, кому не хватало билетов или денег на билеты, пытались попасть в зал с черного хода. Самым простым способом проникнуть в зал это попытаться проникнуть туда, когда толпа зрителей выходила с предыдущего сеанса. Часто время между окончанием сеанса и началом следующего сеанса было очень не большим и не успеют зрители выйти из зала, как с другого конца уже заходили другие. Вместо фойе в кинотеатре была открытая веранда, откуда сразу минуя билетера, попадали в зрительный зал. Так что, забежав с выхода, можно было ловко смешаться с уже вошедшими в зал зрителями. Был и другой способ попасть в кинотеатр без билета. Кто-нибудь из пацанов попадал в зал законным путем, а когда тух свет, тихонько снимал щеколду с одной из дверей. Дверь тихонько открывали, и десятка полтора мальчишек быстро просачивалось в зрительный зал и мгновенно растворялось в темноте среди законных зрителей. Двух трех неудачников ловили контроллеры, но остальные наслаждались фильмом до его окончания. Наконец самые отчаянные пытались пробраться в зал через чердак здания. Здание было деревянным с множеством выступов, карнизов и отошедших досок. Так что ловкие и смелые могли дерзать. Действительно ли кому-то удавалось пробраться на фильм таким способом, доподлинно - не известно, но разговоров было много. Почему-то кинотеатр ассоциировался у меня с дождем. Дождливými днями больше всего хотелось в кино. И я бежал несколько кварталов под дождем к тому месту, где у входа в горсад висела афиша о фильмах, которые шли в этот день. Если фильм по названию привлекал меня я радостно, сжимая в кулаке десять копеек, бежал покупать билеты, предвкушая, как буду сидеть в зрительном зале, смотреть интересный фильм и до меня тихо будет доноситься шум дождя. Конец фильма это всегда разочарование, какая-то тоска, мне хотелось снова окунуться в этот придуманный и одновременно не придуманный мир. Поэтому я часто тут же шел на следующий сеанс. Иногда это чувство тоски и разочарования не проходило несколько дней. Я все думал о фильме, как о прожитой жизни, в которую все время хочется и хочется

возвратиться, чтобы если и не изменит там что-то, то хотя бы снова окунуться в ту как, казалось счастливую, жизнь. Со временем я выработал простой критерий, определяющий для меня качество фильма. Критерий прост. Если чувство тоски и желание чего-то вернуть или вернуться не покидало меня некоторое время после просмотра, значит фильм хороший.

Нет его сейчас, кинотеатра-то. И место его заняли аттракционы, которые несут только радость. А память моя все строит и строит из досок это обшарпанное выбеленное бурой известью здание с открытой верандой и кассой, у которой толпятся мальчишки и кассиршей, пожилой женщиной, которой уже давно нет на этом свете. Но память...

III.

Дорожки в горсаду были асфальтированные со множеством горбиков от корней деревьев. Но среди кустарников были и тропинки. Идешь по такой тропинке, а кругом сплошная зеленая стена и не знаешь, куда эта тропинка приведет. И приводила. Бродить по горсаду было не всегда безопасно, особенно вечером. Однажды и известный всему городу судья, возвращающийся домой с рыбалки, подвергся нападению в одной из аллей сада, и чуть не поплатился жизнью за свою беспечность. Некоторые такие тропинки приводили к закрытым со всех сторон полянам. Такие поляны часто облюбовывали компании подростков. Здесь можно было спокойно курить и пить вино. Но мне нравилось бегать по этим дорожкам. Живо представляешь себе какие-то заморские леса, индейцев и смелых путешественников. А дождь. Были ли вы когда-нибудь под дождем в саду? Конечно, были, но быть и жить это разные вещи. А я, я оживал в дождь. Я бежал под дождем по тропинкам сада. Время от времени смотрел вверх, где с неба огромной скоростью неслись капли. И никого вокруг, никого. Мокрые ветки хлестали меня, а я бежал и бежал...

2005 г.

Шадринск, Пирогов В.Ю. (с)

<http://asm.shadrinsk.net>